

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА – ПОЛИТИКА ВЛИЯНИЯ НА МАССЫ

Культура народа и культура масс

О.И. Карпухин¹, Э.Ф. Макаревич²

Аннотация: В статье рассматривается проблема культурной политики в современной России. Что такое культурная политика? В какой мере государство может управлять культурой? Каков опыт западных стран в данной области? Насколько этот опыт применим для

России?

Ключевые слова: культура, государство, культурная политика, управление

THE CULTURAL POLICY AS A POLICY OF PUBLIC INFLUENCE

Culture of the people and the culture of public

O. I. Karpukhin, E. F. Makarevich

Abstract: The problem of a cultural policy in modern Russia is considered in the article. What is the cultural policy? In what measure the state can manage culture? What is the experience of western countries in this field? How applicable is that experience for Russia?

Keywords: Culture, the state, the cultural policy, management

Состояние культуры в обществе есть всегда показатель его развития в политической, социально-экономической и иных сферах. Расцвет искусств, например, знаменует собой, как правило, подъем государственности, упадок же сопровождается социальным утомлением, декадансом. Хотя были в истории примеры, казалось бы, обратного

¹ Карпухин Олег Иванович – доктор социологических наук, профессор, советник Председателя Совета Федерации ФС РФ, Заслуженный деятель науки РФ.

² Макаревич Эдуард Федорович – доктор социологических наук, профессор кафедры культурологии Московского гуманитарного университета.

Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_3/456-karpukhin-makarevich.html

свойства. Достаточно вспомнить поразивший мир всплеск интеллекта и духовности на рубеже XVIII и XIX вв. в раздробленной на множество карликовых и маломощных государств Германии. Провинциальный Веймар становится вдруг центром духовной жизни Европы, что вполне, впрочем, объяснимо — там в то время жил Гете... А может быть, происходивший тогда процесс накапливания национальных сил впоследствии и явил миру феномен сильной Германии, поскольку своему экономическому и социально-политическому возрождению она во многом была обязана знаменитым на весь мир университетами и художественным школами.

Фермент культуры всегда является мощной цивилизационной "закваской" в исторических процессах. Эту особенность подметил еще В. М. Ключевский. Говоря о культурном значении наследия преподобного Сергия Радонежского, он подчеркнул, что нравственное влияние таких, как Сергий, "украдкой западая в массы, вызывало брожение, незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души¹. Экономическому и политическому возрождению народа всегда должно предшествовать духовное, нравственное — таков вывод историка.

Размышляя над понятием «культура» стоит обратиться к духовному завещанию нашего соотечественника академика Д.С.Лихачева — к разработанному им в последние годы жизни документу под названием «Декларация прав культуры» (Санкт-Петербург, 1996 г.).

Статья 1 Декларации гласит: «Под культурой понимается сотворенная человеком материальная и духовная среда обитания, а также процессы создания, сохранения, распространения и воспроизводства норм и ценностей, способствующих возвышению человека и гуманизации общества».

В Декларации вводится понятие гуманитарной культуры, т.е. культуры, ориентированной на развитие созидательных начал в человеке и обществе, сказано, что культура представляет главный смысл и глобальную ценность существования как народов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла. Культура по существу поставлена в один ряд с жизнью. Культура не должна рассматриваться как балластная нагрузка на бюджет. Культура – это источник, питающий все стороны жизни общества. Культуру общества можно понять, лишь уяснив для себя состояние самого общества. В условиях переживаемого нами меняющегося социума соответственно меняются и процессы духовного производства, неизбежно вбирая в себя и тут же с удесятенной энергией излучая накал общественных страстей.

Издравле философы определяли культуру как воплощение сущностных сил человека, который, по меткому определению А.Чехова есть "то, во что он верит". Значит, совпадение или несовпадение вер, надежд и устремлений многих из нас может определить вектор общественного развития. Во что же сегодня верит, к чему стремится наш соотечественник? В Бога или оккультные силы? В некие идеалы рыночно-демократического будущего? Трудно ответить однозначно.

"Ум ищет божества, а сердце не находит". Так, пожалуй, вслед за молодым Пушкиным (тогда Россия тоже переживала перемены!) можно охарактеризовать мироощущение, духовное самочувствие основной части общества.

Только культура, стоящая над схваткой, умиротворяющая политические страсти, может стать единственной устойчивой доминантой, объясняющей общественно значимый смысл происходящих перемен. Было ли так всегда? Вспомним: "Тихий Дон" М. Шолохова или "Дни Турбиных" М. Булгакова были одинаково дороги как "белым", так и "крас-

ным", потому что и те, и другие увидели убедительно художественное разрешение трагической коллизии, где правоту и заблуждение несла в себе каждая из противоборствующих сторон.

Не здесь ли искомый критерий, позволяющий нам по достоинству оценить произведение, опираясь на те законы, по которым оно создано, а не на то, что делает его инструментом классовой любви или ненависти. Для по-настоящему талантливых творений идеологические клише — прокрустово ложе. И хотя художнику порой трудно удержаться от политических искушений, заданность ему всегда противопоказана. "Ты талантливо изобразишь политический мир, — предостерегал Г. Флобер, — только если сам не принадлежишь ни к какой партии".

Прогресс культуры — это постоянный процесс интеллектуализации общественной жизни и духовного, прежде всего нравственного, совершенствования человека, наиболее полного раскрытия его творческого потенциала через субъективно заинтересованное свободное участие в созидании материальных и духовных ценностей. Вся совокупность этих ценностей и сама творческая деятельность по их созданию и освоению рядовым человеком, собственно, и есть культура в ее наиболее общем и глубоком значении. В данном контексте если и уместен вопрос "чему или кому должна служить культура", то ответ может быть лишь один — Человеку. Именно в культуре и через культуру народы и каждая отдельная личность обретают себя в своем уникальном и неповторимом историческом своеобразии и цельности.

Культура народа — это исторически сложившийся национальный тип духовности. "Русская культура и русская общественность — подчеркивал Н. Бердяев, — могут твориться лишь из глубины русской души, из ее самобытной творческой энергии"². И наоборот, если следовать логике и терминологии Н. Бердяева, современная культура масс есть про-

дукт цивилизации, космополитизма и нивелирующего европеизма и американизма.

Иногда высказывается мнение, что разрушение тоталитарной советской культуры, выступавшей зачастую в образе и подобии "идеологического кича", не ведет к возрождению культур национальных, ибо это должны быть культуры онтологически иные. Просто на смену одной массовой культуре государственного толка и советской ментальности придет иная по содержанию и направленности массовая культура и иная ментальность. Однако в любом случае по своему унифицирующему и упрощающему воздействию на личность культуры эти практически равнозначны, ибо речь идет об участии обеих разновидностей массовой культуры в формировании распространенного типа потребителя — читателя, зрителя, слушателя, подвергаемых ежедневному давлению определенного типа книг, прессы, радио и телевидения.

Действительно, общность, формируемая на такой культурной основе, может быть лишь космополитической, то есть вненациональной. У современной массовой культуры, выступающей побочным продуктом научно-технического развития стран, как правило, нет национального лица. Она способна объединять людей лишь внешне, нивелируя и делая похожими друг на друга в смысле ритма их жизни, форм личного и социального поведения... Однако для духовного сплочения людей такая культура необходимого потенциала в себе не несет. Не случайно для объединяющейся Европы сегодня проблемой проблем является возникновение на базе диалога национальных культур "нового европейского духа" и "новой европейской самобытности"³.

Не знаем, повезет ли европейцам на данной стадии их развития в осуществлении этой задачи, но, сознанию нашему ближе не отвлеченный универсализм европейца, а конкретная самобытность француза, немца или голландца. Да и как тут не вспомнить слова Н. Бердяева,

размышлявшего над этой проблемой еще в начале века. "Есть только один исторический путь к достижению высшей всечеловечности, к единству человечества, — писал он в своей книге "Судьба России", — путь национального роста и развития, национального творчества... Денационализация, проникнутая идеей интернациональной Европы, интернациональной цивилизации, интернационального человечества, есть чистейшая пустота, небытие. Ни один народ не может развиваться вбок, в сторону, вращать в чужой путь и чужой рост"⁴.

Россияне, пережив сложный период своей истории, столь остро нуждаются сегодня в таких формах культуры, которые бы не являлись отражением "гротескных гримас века"⁵, но содержали бы в себе мощный и надежный потенциал для обретения духовного равновесия в отношении к самим себе, к другим народам, к природе и истории.

Россия, которую нередко называют "мир миров", — уникальная по своему историко-культурному потенциалу страна. Восстановление целостности отечественной культуры во всем ее богатстве и разнообразии будет служить утверждению общенациональных духовно-нравственных основ жизни народа, поможет ему стойко и мужественно преодолеть грядущие беды и потрясения, выйти из них с более ясным и глубоким осознанием особенностей своего исторического пути и предназначения. К этому призывал в свое время наш замечательный историк и бытописатель И. Е. Забелин, отмечавший, что "для подробного уяснения и сознательного понимания своей исторической доли нам необходимо с особенным вниманием углубиться в изучение внутреннего народного развития, которое в своих последовательных ступенях представит несравненно больше интереса и несравненно правдивее расскажет нам нашу родную быль"⁶.

Иногда препятствие утверждению общероссийских начал усматривают в многонародности. Действительно, Россия этнически и регио-

нально пестрая страна. На ее бескрайних просторах издавна живут и взаимодействуют друг с другом не только десятки различных этносов и субэтносов, но и внутринациональных общностей, таких, как русские поморы, русские казаки, русские сибиряки и т.п., со сложившимися в силу специфики их образа жизни культурными различиями. В этом контексте для некоторых авторов понятие "русский народ" расплывается до неопределенности, а такие его представители, как Пушкин А. С., Лермонтов М. Ю., объявляются «космополитическими метисами»⁷. И поскольку обретение русскими своей русскости видится возможным исключительно в рамках региональной общности, то получается, что культура — фактор объективно чуждый идее укрепления российской государственности.

Но так ли уж неизбежно регионально-культурное возрождение русских земель, российской провинции несет в себе угрозу их обособления и последующего распада России? С другой стороны, не будет ли столь великой плата за сохранение российского единства ценой утраты национальной самобытности народов, превращения их в некую культурно недифференцированную общность?

Думается, что путь к будущему России и заселяющих ее народов не в саморазрушении всех и вся основ, не в утрате веками создаваемой целостности, не в отказе от собственной истории. Более того, идея русского национального возрождения может обрести реальную почву лишь на платформе демократического обновления и правового укрепления российской государственности. Собственно, проявление русскими своего народного духа, национального характера всегда было отмечено в истории тесной связью с судьбой российского государства, с тяжелейшими испытаниями, выпадавшими на его долю. И изначально, как отмечал В. Соловьев, "истинный дух русской народности, определяемый высшим нравственным началом, выразился в обстоятельствах, сопро-

вождавших возникновение русского государства"⁸. Так что определяющим фактором культуры русского народа вряд ли можно считать региональную самобытность поморов, казаков, сибиряков и др. И совсем необязательно для того, чтобы почувствовать себя русским, замыкаться в скорлупе региональной культуры, какой бы богатой и привлекательной она ни представлялась.

Исторически русская культура складывалась как открытая миру система. Она тесно взаимодействовала с культурами других народов, обогащая их и обогащаясь сама. Естественные различия в культурах народов, населяющих Россию, на протяжении веков не были препятствием для их, в общем, дружного и взаимозаинтересованного сосуществования в границах единого государства. Если препятствия и возникали, то причины их появления были связаны скорее не с культурой, а с политикой. В сфере политики следует искать и истоки попыток нынешнего дистанцирования друг от друга как бывших республик в составе СССР, так и отдельных национально-государственных образований в составе Российской Федерации. Уж слишком беспардонно и настойчиво бывшая союзная идеология и политическая практика толкали народы к безнациональному братству, что это не могло не вызвать у них реакции обратного свойства — к размежеванию и замкнутости, к поиску иных партнеров и попутчиков в своем национальном развитии.

История, по-видимому, еще покажет, какие приобретения и потери принесет каждому народу такое разъединение. Ясно, однако, одно: если бы в отношениях наций друг к другу было больше культуры, то, возможно, столь скоропалительного и разрушительного для их политических, экономических и просто человеческих связей разъединения могло и не быть. Но история, как утверждают, не терпит сослагательного наклонения. Остается лишь формирующейся идеологии обновления России впредь в большей мере, чем это имело место раньше, в развитии

и совершенствовании межнациональных отношений опираться на фактор культуры. Само по себе это, разумеется, не устраняет необходимости грамотного и по возможности глубокого решения проблем совершенствования государственно-политической структуры страны, других специфических вопросов в сфере межнациональных отношений.

Однако, что конкретно заключает в себе тезис о необходимости опираться в возрожденческом процессе на фактор культуры? Речь должна идти прежде всего об изменении акцентов в самом понимании культуры и культурного наследия не только как некоторой совокупности ценностей, памятников истории и культуры, но и о самих этносах, создавших эти памятники, о их неповторимом строе души, об особенностях духовной самореализации. Необходимо выйти на новый уровень реализации культурной политики — уровень более широкого и емкого понятия "экология культуры", понимаемого в значении единого культурного пространства для народов России, социокультурной среды, отвечающей требованиям полифонической целостности, разнообразия и богатства. Как отмечал Д. С. Лихачев, "сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его "духовной оседлости", для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности"⁹.

Но что такое культурная среда в своем главном сущностном проявлении? Вряд ли правомерно воспринимать ее как нечто внешнее по отношению к человеку, как какой-то параллельный мир, с которым личность соприкасается лишь тогда, когда посещает музей или театр. Культура не только вне и для нас, но и внутри нас, определяя в каждом отдельном случае особую степень выраженности в нас собственно человеческих социальных начал. Человек рождается, растет, созревает в оп-

ределенной культуре, индивидуальное преломление которой в каждом из нас, собственно, и выражает сущность нашей личности. И в этом смысле из культуры нельзя выпрыгнуть, она внутри нас. Мы все несем в себе ту или иную культуру, выражаем ее в образе мышления и стиле поведения, в определенном порядке материальной и духовной организации своей жизни.

Конечно, очень важно, чтобы культурная среда отвечала своему истинному назначению — очеловечиванию человека, побуждала и способствовала духовному и физическому совершенствованию людей. При этом чрезвычайно важна не только культура мемориальная, к восстановлению и сохранению которой сегодня приковано внимание общественности в нашей стране, но и культура актуально действенная, тесно связанная с повседневным бытом и жизнью человека. Именно в ней непосредственно и ежедневно люди черпают духовные силы, находят смыслообразующие основания своего существования. Бедность такой культуры неизбежно сопровождается и духовным оскудением людей, их нравственной и эстетической деградацией. И в этом смысле можно и на фоне музейного великолепия Суздаля или иного музеефицированного города влачить жалкую, духовно скудную жизнь.

Нет, мы не отрицаем необходимости и полезности для дела национально-культурного возрождения народов России различных инициатив и акций культурологической направленности: по охране и восстановлению памятников истории и культуры, по всемерной пропаганде классического наследия, возрождению народных промыслов и ремесел, проведению фольклорных фестивалей и праздников и многого другого... Однако, все это может оставаться лишь на поверхности нашей жизни, не затрагивая ее глубины, ее внутренних оснований, если при этом не будут создаваться и иные условия для духовного раскрепощения человека.

Говоря о духовном раскрепощении человека как факторе процесса национально-культурного возрождения, следует иметь в виду целый комплекс экономических, политических, социальных обстоятельств, при которых такое раскрепощение только и может состояться. Трудно, да и невозможно рассчитывать на успех в возрождении подлинной духовности без обретения людьми естественных, но в значительной мере по известным причинам утраченных, ипостасей их человеческого бытия, их социально значимого проявления — таких, как личность—гражданин, личность—хозяин, личность—собственник, личность—творец. Без этого у людей не может возникнуть ни привязанности к родным местам, ни чувства духовно-нравственной оседлости. Наоборот, происходит люмпенизация сознания, неуважительное отношение к плодам своего и чужого труда, к культурному наследию.

Какой же должна быть культурная политика государства в условиях интенсивных экономических реформ, в условиях, когда формируется новая идеология обновления общества?

Известно, что коммерческий успех рынок гарантирует лишь той продукции, которая пользуется спросом широких масс. Последний же далеко не всегда определяется художественными достоинствами продукции. Такие факторы, как мода, уровень культуры потребителей, оплаченная реклама и др., всегда будут оказывать свое усредняющее воздействие на творчество. Развитие целого ряда т.н. элитарных искусств, как, впрочем, и таких массовых, каковым является отечественное кино, уже поставлено под угрозу. Безоглядное рыночное экспериментирование в сфере культуры может реально увеличить и уже увеличивает существующий разрыв между подлинной культурой и массовой публикой. И это лишь одно из отрицательных следствий рыночного беспредела в сфере культуры, но, к сожалению, не единственное.

С другой стороны, отрицание монстра под названием "государственная культура", столь знакомого нам по недавнему времени и являющегося порождением жесткого государственного декретирования и идеологического контроля, заставляет практически всех говорить о необходимости разгосударствления культуры. Ограничение тотального воздействия государства на культуру иногда представлено позицией сохранения за первым лишь выборочных реакций на то или иное положение дел в подведомственной сфере, в ее отдельных областях. Это предполагает, прежде всего, финансовое обеспечение и поддержку конкретных программ со стороны государства, отказ от всеобщего планирования культуры, поощрение спонсорства и меценатства. При всей предпочтительности данной точки зрения в сравнении с первой, о ней все же нельзя сказать, что имеет место понимание культурной политики как целостного комплексного процесса, главным ориентиром которого является человек, его безусловное духовное развитие и совершенствование.

Культура народа, как совершенно особое и уникальное исторически сложившееся явление не может быть брошено на самотек, остаться без защиты со стороны государства. Поэтому вопрос об управлении культурой в современных условиях становится вопросом ее выживаемости.

Что же вкладывается в само понятие "управление", когда имеют в виду такую тонкую материю, как культура? Например, если взять функционирование традиционной культуры, устного поэтического творчества, народных ремесел и т.д., то этот пласт тем успешнее развивается, чем меньше им пытаются руководить. В области профессионального художественного творчества управление также в основном носит опосредованный характер, а на этапе создания художественного произведения оно вообще противопоказано. Управляющее воздействие сполна реали-

зуется на "входе" (подготовка творца и создание необходимых условий для его самореализации) и на "выходе" творческого процесса, т.е. на этапе распространения его результатов. Эти результаты могут выступать как товары—блага и товары—услуги, попадая уже в мир экономики культуры. И если раньше, в советское время, наши духовные ценности приходилось защищать от экспансии идеологии, то теперь они еще более беззащитны от экспансии, коммерциализации, а механизмы выживания культуры — от традиционной до профессиональной — еще не выработаны.

В меняющемся обществе, где все нестабильно и политически наэлектризовано, сектор творческой свободы становится еще меньше, хотя, казалось бы, после снятия всех ограничений должно бы стать наоборот. Но художник поставлен в такие условия, когда его по-настоящему свободный труд обществом не востребован, и он вынужден, чтобы выжить, подчинить себя рыночной конъюнктуре. Оказывается, что свобода творчества ничего не порождает, если напрочь исчезает регулирование социальных и экономических условий творческой деятельности. Так нормативно-правовой вакуум порождает духовный.

В новых условиях на оперативный простор рыночных отношений вырывается ничем не управляемая стихия массовой культуры. Впрочем, если проанализировать мировой опыт, это неизбежный атрибут экономической модернизации в период общественных перемен. И, как писал еще в начале 70-х годов Андре Моруа, — "Массовая культура, разумеется, несет в себе немало мусора, но она распространяет при этом также и прекрасное¹⁰. Иначе и быть не может. Сокровенные потребности людей остались прежними. Чтобы привлечь зрителей, чтобы удержать аудиторию, дав ей должную порцию поэзии и величия, без которого люди чувствуют себя несчастными, "массовые средства информации не могут

долго обходиться без творческой выдумки. Пошлыми зрелищами можно привлечь на какое-то время, но не навсегда и не всех"¹¹.

При разумном управляющем воздействии, по мнению специалистов, массовая коммерческая культура может помочь нормализовать настроение людей за счет усиления компенсаторно-развлекательного начала, да и прибыль государству принести немалую. Но это лишь в том случае, если будет отработана необходимая нормативно-правовая база управления всех отраслей культуры, как ее коммерческой, так и не коммерческой сфер — независимо от ведомственной принадлежности. А для этого нужен работающий Закон о культуре и единый регулирующий центр, пусть даже в лице Министерства культуры, с полномочиями органа государственного управления сферой культуры, имеющего право координации в решения принципиальных вопросов ее развития. Это помогло бы сформировать целостную культурную политику в противовес групповым и ведомственным интересам.

Феномен культурной политики

Общеизвестен тезис, так часто декларируемый сегодня средствами массовой информации, что культура общества в самых разнообразных ее проявлениях — процесс творческий, спонтанный, не поддающийся управляющему воздействию. Потому и ставится под сомнение даже сама возможность определения приоритетных целей и задач государства в сфере культурного строительства¹².

Прогрессирующая декультурация страны, кризисное состояние тех сфер, которые непосредственно влияют на формирование человека, его духовности, особо остро поставили сегодня вопрос о культурной политике, ее принципах и назначении в обществе, содержании и возможностях, механизмах осуществления. Изменения, происшедшие в

российском обществе в последние годы, как известно, сопровождались, помимо прочего, и отказом со стороны государства от функции идеологического контроля, жесткого декретирования развития сферы культуры, от прокламирования в ее рамках глобальных, а потому никогда в прошлом не доводившихся до конца программ. Сегодня все чаще и настойчивее не только на местах, но и в центре говорят о разгосударствлении культуры, ее свободном плавании в постоянно штормящем море российской действительности. Для некоторых теоретиков и практиков культуры вся суть культурной политики заключена в том, чтобы не было никакой политики. Главным для них при этом предстает вопрос о новых источниках финансирования культуры, то есть о деньгах. Сама культура в представлениях сторонников данной позиции приобретает качества сугубо коммерческого явления, в функционировании и развитии которого определяющими моментами предстают такие понятия, как "затраты", "прибыль", "спрос" и "предложение". Вполне закономерно, что "богом", на которого готовы молиться коммерсанты от культуры, являются "запросы спонтанного потребителя"¹³. При этом мало кого интересует вопрос о том, каковы эти запросы в своем качестве, насколько они соответствуют требованиям гуманистического, подлинно человеческого измерения.

Вопрос о культурной политике, на наш взгляд, — это вопрос о государственном и общественном статусе культуры. И поскольку статус ее в нынешней России оказался чрезвычайно и опасно низок, — осознание этого проникнуто настроениями катастрофизма, — четкая и ясная культурная политика в стране не только желательна, но и жизненно необходима.

Своеобразной реакцией на эту потребность является, в частности, вал научных публикаций по данной проблеме. Своим вниманием ее не обошли такие видные российские ученые-гуманитарии, как Д. С. Лиха-

чев, В. В. Иванов, В. Б. Чурбанов, Ю. Н. Давыдов и др. Необходимо отметить, что феномен культурной политики уже длительное время находится в поле внимания и зарубежных авторов¹⁴. Так, известный французский ученый А. Моль в своей книге "Социодинамика культуры", изданной в Париже в 1967 году (в СССР она вышла в 1973 г.), осуществление "культурной политики" связывал с задачей, стоящей перед обществом, "сознательно строить свою собственную судьбу вместо того, чтобы подчиняться спонтанным импульсам"¹⁵. Этот автор допускал решение такой задачи не только в рамках отдельных государств, но и неких "всемирных объединений", прообразом которых он считал организации типа ЮНЕСКО.

ЮНЕСКО, действительно, сыграла и играет заметную роль в активизации усилий мирового сообщества в проведении согласованной культурной политики и в повышении ее эффективности. Этой международной организации принадлежит приоритет в определении самого понятия "культурная политика". В ходе дискуссии, проведенной под эгидой ЮНЕСКО в Монако в декабре 1967 г., было достигнуто решение понимать под "культурной политикой" "комплекс операционных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры... всю сумму сознательных и обдуманых действий (или отсутствие действий) в обществе, направленных на достижение определенных культурных целей посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в данное время".

Из определения явствует, что культурная политика характеризуется качеством сознательного обдуманного процесса, в основе которого лежат некие принципы и цели, обуславливающие деятельность и процедуры по их реализации и достижению на практике. Обозначены в опре-

делении и основные субъекты культурной политики — государство и общество. Внимание при этом не концентрируется на моменте возможного несовпадения культурных целей общества и государства. Быть может, момент этот является не столь существенным для практики культурного развития тех стран, в которых общественное согласие уже не воспринимается как нечто далекое и труднодостижимое, а является нормой, поддерживаемой демократическими институтами правового государства и гражданского общества. Однако в условиях нашей страны, как об этом свидетельствует ее подчас горький опыт, такое различие культурных целей общества и государства просто необходимо, ибо они нередко не только не совпадают друг с другом, но и находятся по отношению друг к другу в явном противоречии. Возможно, поэтому большинство наших авторов предпочитают разрабатывать тему именно "государственной культурной политики".

Объяснением этому служит исторически сложившееся представление об аффирмативном характере культуры, которая якобы и существует лишь только для того, чтобы поддерживать и утверждать социально-политические структуры в их незыблемости и несокрушимости, при этом часто во вред и в ущерб личности и обществу, их свободе и творчеству. Не случайно в целом ряде культурфилософских построений (Хоркхаймер, Адорно, Маркузе и др.) культура несет в себе мощный заряд враждебности человеку, проявляет себя по отношению к нему угнетающе. В крайнем своем выражении такая позиция строится на отождествлении культуры и политики.

Вопрос, как видно, упирается в ту или иную трактовку обозначенных явлений, в понимание характера их взаимосвязи и взаимодействия друг с другом, в определении места и роли в данном взаимодействии человека. Если в понятия культуры и политики не вкладывать сугубо инструментальный смысл, отождествляя, по существу, первую с производ-

ством и потреблением (использованием) средств производства, сырья, материалов и т.п., а вторую — с осуществлением регулятивных функций в отношениях между большими группами людей (классами, нациями, государствами), то, естественно, возникает и иное понимание их сути и назначения. Гуманистически ориентированный взгляд на культуру и политику требует рассмотрения их взаимосвязи и взаимодействия через отношение к человеку. При этом в культуре следует видеть в первую очередь культивирование подлинной человечности, то есть всего того, что в сообществе людей обеспечивает возможности свободной и самостоятельной реализации сущностных сил специализированных индивидов без разрушительных для общества последствий. В свою очередь, политика, главным содержанием которой становится отношение к человеку как к самоценности, способна выступать в качестве существенного субъектоформирующего фактора. Стремясь к гармонизации отношений в обществе, к тому положению, когда деятельность и политика государства и общества были подлинно культуротворящими и культуроразвивающими, важно сосредоточить внимание на том, чтобы каждый человек уже не рассматривался бы исключительно в качестве объекта инструментального начала политики, но и по существу своего практического деятельностного проявления был на самом деле создателем политики, ее субъектом. К сожалению, такое положение для нашей страны на данном этапе ее развития воспринимается как невозможное, нереальное.

И дело здесь не только в том, что для российской действительности традиционным является приоритет государственного начала в функционировании и развитии культуры. "Парадокс состоит в том, — как справедливо отметил Н. И. Киященко, — что вывести из культурного кризиса общество, где у большинства людей культурная жизнь ограничена лишь решением проблем жизнеобеспечения, без государственной культурной политики тем не менее невозможно"¹⁶. Вопрос, следователь-

но, не в том, нужна или не нужна государственная культурная политика в постсоветской России, а в том, какой она должна быть в соответствии с меняющимися потребностями общественного развития, что необходимо предпринять, чтобы культурная политика по-настоящему стала механизмом саморегуляции культуры.

Что же следует понимать под "культурной политикой"?

Многозначно само употребление этого термина: с одной стороны, им характеризуется деятельность государства в сфере культуры по линии централизации происходящих в ней процессов и в соответствии с выстроенной "вертикалью" управления, с другой — определяется плюралистическая, горизонтальная модель управления с акцентом на региональное и местное самоуправление в рамках декларируемых "центром" целей и задач. В литературе "культурная политика" чаще всего определяется как государственное участие в сфере культуры, регулирование культурных процессов посредством системы налоговых льгот¹⁷, как целенаправленное государственное вмешательство в социокультурное развитие¹⁸, как комплексная правительственная программа поддержки искусства и гуманитарных наук посредством распределения субсидий¹⁹. В работах отечественных исследователей распространено понимание культурной политики как процедуры выработки целей и построения механизма их реализации.

Анализ литературы позволяет определить основную типологию направлений культурной политики: охрана культурного наследия; создание и распространение культурной продукции; образование в сфере культуры; развитие науки о культуре; стимулирование народного творчества и развитие культурно-досуговой деятельности.

Типология целей и задач культурной политики определяется прежде всего характером целей общественного развития, формой государственного устройства, типом политического режима и т.д. Характер целе-

полагания, приоритетность задач определяют сам предмет регулирования — культура, "культурная жизнь" или общественная жизнь в целом.

Важнейшим типологическим компонентом культурной политики является механизм ее реализации, включающий в себя экономико-правовые, организационно-управленческие, информационно-рекламные и другие аспекты.

"Культурная политика материализуется в организации процессов, охватывающих производство культурных ценностей, их сохранение, аккумуляцию и распространение; само же содержание, структура и направление культурной жизни зависят от того, какая часть ценностного фонда культуры актуализируется и ассимилируется в соответствии с принципами данной социальной системы²⁰.

Существующие типологии культурной политики строятся на различных основаниях — исторических, культурологических, социологических и т.д. Исследователи сталкиваются при этом со сложностью определения критериев культурной политики в связи со специфичностью развития региона или страны. Очевидно, в наиболее общем виде эти критерии должны определяться в зависимости от целей и задач культурной политики, которые, в свою очередь, детерминируются целями общественного развития.

В этом плане заслуживают внимания выводы и обобщения шведского ученого И. Клеберга, который применительно к культуре Европы рассматривает парадигмы ее развития в рамках типологии социальных систем — моделей "общества потребления" и "общества созидания". "Общество потребления" характеризует, по мнению исследователя, продолжающееся развитие негативных тенденций современности: роль культуры в конечном счете сводится к пассивному состоянию; культурная политика носит оборонительный характер, процветает коммерциализация; задачи культурного развития только декларируются, а культу-

ре отводится роль терапии для утешения малоимущих слоев. В этом обществе культурное развитие будет допускаться только в той мере, в какой оно способствует достижению целей промышленного производства и экономики, а потому резко сократятся средства на культуру, что не только приведет к ее упадку, но и поставит в тесную зависимость от властей, а значит, лишит ее свободы.

"Общество созидания" отличается от "Общества потребления" утверждением новых целей: достижение "культурного благосостояния", что подразумевает переход от потребительского к "творческому образу жизни", росту активности личности; культура станет неотъемлемой частью развития и с помощью демократизации и децентрализации станет доступной всем слоям населения и всем регионам Европы, а потому остановится процесс сегрегации в пользовании достижениями культуры; культурная деятельность явится движущей силой улучшения социальной действительности, важнейшей формой самовыражения личности; государство будет оказывать поддержку развитию культуры, не мешая местным и личным инициативам; заботы о культуре преобразуют социальную среду, высвободят для общества скрытые силы человека и тем самым будут способствовать решению глобальных общественных проблем.

И.Клеберг подчеркивает, что оба варианта основаны на тенденциях современного развития и реальность их осуществления зависит от сегодняшней деятельности, поэтому так важно объединение европейцев вокруг идеи "общества созидания"²¹. Анализируя представленные им модели, нетрудно заметить подчиненную, инструментальную роль культуры по отношению к другим сферам общественного развития в рамках "общества потребления" и совершенно противоположный подход к культуре, соответствующий целям и задачам "общества созидания". Культура рассматривается здесь как движущая сила улучшения соци-

альной действительности, подчеркивается ее регулятивная функция по отношению к другим сферам общественной и государственной жизни.

Анализ социокультурной ситуации в пореформенной России, перспектив ее развития показывает, что идеи "общества созидания" еще не стали здесь элементом общественного согласия и основой для государственной культурной политики. Неясность целей общественного развития порождает неясность государственной политики во всех ее проявлениях.

Таким образом, можно отметить следующее.

Культурная политика государства — специфическая деятельность государства, направленная на реализацию права каждого гражданина свободно участвовать в культурной жизни общества, выявление и учет культурного аспекта во всех социально-экономических и технических проектах, сохранение и обогащение культурной самобытности народов, развитие международных культурных обменов.

Цель культурной политики государства состоит, по определению XIX сессии ЮНЕСКО, в том, чтобы "предоставить в распоряжение максимально большого числа лиц комплекс средств, способствующих духовному и культурному развитию".

Основными средствами культурной политики государства являются разработка и принятие законов, нормативных актов, государственных программ, организация, прогнозирование, финансирование культурной деятельности.

Объектами воздействия культурной политики государства являются макро- и микросреда жизнедеятельности населения, в том числе профессиональных деятелей культуры и социокультурных объектов-организаций, объединений, учреждений.

Субъектами культурной политики государства являются его законотворческие, исполнительные и судебные структуры, специализированные государственные органы, организации и учреждения, а также

взаимодействующие с ними негосударственные организации, объединения и другие образования как профессионального, так и любительского характера.

Научное обоснование культурной политики государства базируется на выявлении соотношения культуры общества и политики государства, предполагающего, что политика не может быть отделена от культуры, а культура не должна отождествляться с политикой; что политика заинтересована в культуре как в средстве (инструментарии) очеловечивания ее прагматических воплощений, а культура заинтересована в политике как в форме связи с жизнью человека и общества; что культура способствует политическому решению многообразных социальных проблем на гуманистических принципах, а демократическая политика обеспечивает развитие гуманизма культуры и ее доступность для народа.

Культурная политика государства связана с решением задач культурного строительства как процесса адаптации культурных достижений к реалиям современности (стимулирование инициативы населения и профессиональных деятелей, создание условий для эффективной деятельности организаций и учреждений культуры и образования и т. д.).

В любом обществе основным субъектом культурной политики выступает государство и обычно под культурной политикой имеют в виду государственную культурную политику. Государство в лице своих органов регулирует процессы функционирования и развития культуры, используя для этого финансовые и материальные ресурсы, законодательные акты, организационно-управленческие и иные способы и механизмы.

Культурная политика принимает иной характер, когда монополия государства на данный вид деятельности нарушается и к регулированию культурными процессами подключаются новые субъекты в лице различных общественных движений и организаций, а также самостоятельно вы-

ступающих частных лиц. В таком случае появляются основания говорить об общественно-государственном характере культурной политики.

Характер культурной политики во многом определяется конкретным типом общественно-политического устройства, лежащими в его основе идеологическими и иными принципами. В одних случаях культурная политика приобретает явно авторитарный, в других — демократический оттенок. В зависимости от этого выстраивается организационно-управленческая "вертикаль" в культуре, используется та или иная степень жесткости во взаимоотношениях ее различных звеньев, применяются те или иные способы и формы управления, ориентированные либо на четкое исполнение нижестоящими структурами указаний "сверху", либо на свободу и самостоятельность этих структур, на партнерство, инициативу и творчество с их стороны. Какая культурная политика лучше и эффективнее? — вопрос во многом риторический. Эффективной она может быть и в том и другом случаях — все зависит от полноты и качества реализуемых в ходе ее осуществления целей и задач. И это уже во многом вопрос управления конкретными культурными процессами, решения конкретных задач функционирования и развития культурной сферы. Возможны ситуации, когда механизм управления социокультурными процессами не соответствует или слабо соответствует формулируемым на уровне культурной политики целям и ориентирам, не способен в силу разных причин эффективно реализовывать их на практике.

(Окончание в следующем номере)

¹ См. Ключевский В. М. Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства. // В кн. "Преподобный Сергий Радонежский. Его время, ученики, последователи. "Вестник Российского Международного фонда культуры". М., 1992. С. 18.

² См.: Бердяев Н. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. С. 69-70.

³ Эдгар Морен. Что может интеллигенция... // "Литературная газета", 02.08.1989. С.15.

⁴ См.: Бердяев Н. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. С. 97.

⁵ Иванов В. В. В поисках утраченного... // "Наше наследие", № 1, 1989. С. 6.

⁶ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI—XVII столетиях. Книга первая. М., 1990. С.38.

⁷ См.: Русские. Этносоциологический очерк. М., 1992.

- ⁸ Цит. по "Отечественные записки" // "Советская культура". 8 апреля 1989 г.
- ⁹ Лихачев Д.С. Заметки о русском. // "Советская культура". 27 августа 1988 г.
- ¹⁰ Моруа Андре. Шестьдесят лет моей литературной жизни. Сборник статей. М.: Прогресс, 1977. С. 80.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Егорова И. Каждодневное и вечное // Независимая газета. 1994, 2 декабря, С. 4.
- ¹³ Новая волна. Русская культура и субкультуры на рубеже 80—90-х годов. М.: Московский рабочий, 1994. С. 104.
- ¹⁴ Лоусон Дж. Культурная политика в Голландии // Театр, 1990, № 6. С. 27.
- ¹⁵ Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. С. 31.
- ¹⁶ Киященко Н. Н. Политические аспекты самоорганизации в культуре // Теоретические основания культурной политики (Сб. научн. тр. РИК). М., 1993. С. 27.
- ¹⁷ Голомидов В. И. Некоторые аспекты организации социально-культурной деятельности во Франции. М.: ГБЛ, НИО Информкультура, 1988. С. 10.
- ¹⁸ Брун-Цеховой В. А., Захарян А. А. Консервативные тенденции и демократические альтернативы в культурной политике ФРГ. М.: ГБЛ, НИО Информ-культура, 1988. С. 3.
- ¹⁹ Хлопина О. В. Новая культурная политика в странах Западной Европы и в США. М.: ГБЛ НИО Информкультура, 1990. С. 3.
- ²⁰ Кухтерин С. Европейская культура и мировое развитие. М., 1987. С. 8.
- ²¹ Культурная политика западноевропейских стран и проблемы социального развития // Общие проблемы культуры. Обзорная информация. Вып. 3. М.: ГБЛ НИО Информкультура, 1987. С. 13.